

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

П И С Ь М Е Н Н Ы Е
П А М Я Т Н И К И
В О С Т О К А

И С Т О Р И К О - Ф И Л О Л О Г И Ч Е С К И Е
И С С Л Е Д О В А Н И Я

Ежегодник

1968

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

В. М. Бейлис

**ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ТЕКСТОМ И ТЕРМИНОЛОГИЕЙ
СБОРНИКА РАССКАЗОВ, СТИХОВ И ПИСЕМ МАС'УДА
ИБН НАМДАРА (ОК. 1111 г.)**

Сочинения Мас'уда ибн Намдара в стихах и прозе¹, введенные в научный оборот В. Ф. Минорским и Клодом Каэном², вышли из той же среды, что и главный наш источник для изучения общественного и политического строя периода господства Сельджукидов — знаменитая *Сийасат-наме* («Книга о правлении») везира Низам ал-Мулка. Низам ал-Мулк, составляя свой политический трактат, не упускал из виду его назидательной цели. Свои рассуждения и советы правителям знаменитый везир предпочитал подкреплять примерами из жизни государей прошлого. В его книге, по понятным причинам, мы находим сравнительно мало фактов живой действительности, и наиболее острые ситуации, возникавшие в практическом управлении государством и в делах местной администрации, порою обойдены. В восполнении этого пробела на сборник Мас'уда ибн Намдара могли, казалось бы, возлагаться большие надежды³. Ведь Мас'уд служил в диванах Ширвана и Гянджи, исполнял обязанности мушрифа Байлакана. Из его сочинений должны были выясниться особенности управления на местах, в частности в Арране и Ширване, что, разумеется, усиливает наш интерес к памятнику.

Однако при ближайшем знакомстве с рукописью оказывается, что хотя в сочинениях, оставленных Мас'удом, речь идет о чрезвычайно интересных событиях, манера изложения автора — вычурный и до крайности искусственный *садж'* (рифмованная проза) — затемняет их смысл. Кроме того, последовательность фактов биографии Мас'уда остается не вполне ясной.

С первых же листов рукописи мы сталкиваемся с рассказами, представляющими первостепенный интерес: Мас'уд пишет о смутах в Байлакане, выступлениях городского населения, о своем конфликте с горожанами, о борьбе жителей против попыток захвата Байлакана войсками эмиров. Кроме того, в рассказах, письмах и стихах идет речь о взаимоотношениях Мас'уда ибн Намдара с чиновниками, большей ча-

¹ Сборник Мас'уда ибн Намдара сохранился, насколько известно, в уникальной рукописи Национальной библиотеки в Париже (арабский фонд № 4433). Мы пользовались фотокопией рукописи, любезно предоставленной нам доктором исторических наук З. М. Бунятовым.

² V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le recueil transcaucasien de Mas'ûd b. Nâmdâr*, — JA, CCXXXVII, 1949, fasc. 1, pp. 93—142. В статье дан обзор содержания рукописи, восстановлен порядок листов, подвергнуты анализу сообщения Мас'уда о смутах в Байлакане. Как нам сообщил проф. В. Минорский, рукопись была впервые определена Мухаммадом Казвини, не оставившим, однако, работ о ней.

³ См. В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, М., 1963, стр. 21.

стью высоких рангов, а также с городской знатью Байлакана в лице раиса города и факиха. Но везде причина и истинный ход событий представлены в самых общих чертах; зачастую остается неясным, как именно действовал сам автор, его противники и друзья. Много места в стихах и письмах занимают традиционные восхваления и благопожелания адресатам, леств титулованным покровителям автора.

Несмотря на то, что при ближайшем знакомстве с памятником исследователю испытывает некоторое разочарование, нельзя проходить мимо данных Мас'уда ибн Намдара: они могут дополнить наши знания о положении отдельных слоев населения Аррана и Ширвана XI—XII вв., о деятельности чиновников. На первое место среди материалов памятника следует, по нашему мнению, поставить изложение эпизодов борьбы горожан Байлакана против присланного Гянджинским диваном правителя города — 'амида, а затем против войск эмиров, а также конфликтов Мас'уда с жителями Байлакана⁴. Известный интерес представляет также изучение терминологии Мас'уда ибн Намдара и тех мест его текста, которые дают материал для выяснения особенностей налоговой системы, положения горожан, сельских жителей, деятельности чиновников в Арране и Ширване начала XII в.

Мас'уд ибн Намдар нигде не дает специального объяснения употребляемым им терминам. Большинство их известно нам и из других источников. В этом смысле можно согласиться с утверждением первых исследователей памятника, что названия должностей, встречающиеся у Мас'уда, относятся к обычной сельджукской титулатуре⁵. Следует также учесть, что структура системы государственного управления при сельджукских султанах нам известна из *Сийасат-наме*, а деятельность везиров и центральных органов султаната — из сочинения 'Имад ад-Дина ал-Исфахани *Нусрат ал-фатра ва 'усрат ал-фитра*⁶.

Поэтому в статье мы обращаем внимание прежде всего на тексты и термины, относящиеся к управлению на местах. В связи с этим мы рассмотрим некоторые материалы сборника, в частности его сведения о налогах и поборах с городского населения, об управлении Байлаканом, а также о деятельности диванов Гянджи и Ширвана и служившего в них Мас'уда ибн Намдара.

1. Сведения о составе населения Байлакана, его платежах и повинностях

Как и другие современные ему авторы, Мас'уд ибн Намдар постоянно употребляет по отношению к городскому населению Байлакана термин *'амма* (*'авамм*)⁷ — «простонародье». Горожан Байлакана

⁴ Этим вопросам посвящена статья автора этих строк «Мас'уд ибн Намдар и городское население Байлакана», — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия истории, философии и права, 1966, № 3, стр. 50—65.

⁵ V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le recueil transcaucasien*, p. 127.

⁶ В сокращенной переделке Фатха ибн 'Али ал-Бундари. Издание М. Т. Хаутсма: *Histoire des Seldjoucides de l'Iraq* par al-Bondari d'après Imâd ad-din al-Kâtib al-Isfahâni. Texte arabe publié... par M. Th. Houtsma, Leide, 1889 (Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides, vol. II). Далее — 'Имад ад-Дин ал-Исфахани, изд. Хаутсма.

⁷ Мас'уд ибн Намдар, рукопись Национальной библиотеки, арабский фонд № 4433, лл. 86, 2, 1176, 5—10, 160а, 14 и др. (далее ссылки на листы и строки рукописи — без указания источника). Подготовленное нами издание факсимиле рукописи Мас'уда ибн Намдара находится в печати.

Мас'уд считал главными виновниками своих бедствий: в результате столкновений с ними он вынужден был бежать из города. Поэтому он изощряется в подборе бранных слов и уничижительных эпитетов, вспоминая о ненавистных *ал-байалика* — «байлаканцах». Для обозначения горожанина Мас'уд употребляет еще и презрительное *ас-суки* — «человек рынка»; в числе многочисленных афоризмов, характеризующих отношение Мас'уда к жителям города, один особенно характерен: «Не доверяй кошке мяса, собаке — костей... а человеку рынка — должно-стей»⁸. Мас'уд не называет ни одного горожанина по имени, такой чести не удостоивается даже раис города. О ремесленниках и мелких торговцах Байлакана автор также пишет пренебрежительно, но все же благодаря его рассказам мы можем представить себе, насколько разнообразны были их профессии. Мас'уд называет ткачей (*хаука*), сапожников (*асакифа*), аптекарей (*сайадила*)⁹, затем красильщиков (*ас-саббаг*) и дубильщиков кож (*ад-даббаг*), виноделов (*ал-хаммар*), торговцев фуражом (*ал-'аллаф*), гончаров (*ал-хаззаф*)¹⁰, плотников (*ан-ниджжар*), строителей (*ал-банна*)¹¹ и некоторых других, вплоть до особенно презираемых им продавцов харисы (*ал-харрас*) и головизны (*ир-раввас*)¹².

Вопрос о том, были ли в Байлакане объединения ремесленников, не может быть решен на основании данных нашего автора, но весьма возможно, что они существовали. В. Ф. Минорский, анализируя материалы *Та'рих ал-Баб*, составленной около 1106 г., т. е. современной нашему памятнику, обратил внимание на термин *а'йан ас-суфуф* — «знатные люди рядов». В источниках нет параллелей этому термину, и в связи с этим было даже выдвинуто предположение, что вместо *суфуф* следует читать *сунуф* — («виды», «ряды»). В. Ф. Минорский, ссылаясь также на известного французского арабиста В. Марсэ, перевел этот термин как «именитые [купцы] из [торговых] рядов»¹³. В сборнике Мас'уда ибн Намдара есть стихи, посвященные свадьбе его брата, где говорится, что приглашенные на свадьбу «люди рядов» (*ахл ас-суфуф*) составили «большое войско»¹⁴.

Эти «ряды» (*суфуф*) могли объединять ремесленников и торговцев Байлакана, как и Дербенда, и такие объединения существовали, вероятно, и в других городах, хотя в источниках чаще встречается разделение населения города на кварталы — *махалла*, порою по роду занятий их жителей.

Мас'уд ибн Намдар по своим служебным обязанностям в Байлакане имел прямое отношение к сбору налогов с его населения. Он несколько раз напоминает о том, что от него «не ускользнет даже и вес пылинки»¹⁵.

⁸ Л. 191а, 9.

⁹ Л. 7а, 5—6.

¹⁰ Л. 219а, 8—10.

¹¹ Л. 210а, 4—5.

¹² Л. 210а, 6, 246б, 9—10.

¹³ В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, стр. 166.

¹⁴ *جيش عظيم*. Лл. 54а, 12—54б.

¹⁵ Лл. 198б, 69, 236а, 10. Эти качества считались достоинством мушрифа — чиновника-контролера. О том, что Мас'уд занимал именно эту должность, свидетельствует одно из его писем, где имеется просьба назначить его мушрифом при 'амиле Байлакана (лл. 127б, 4—128а, 7). В другом месте Мас'уд заявляет, что служба казначея (мустауфи) Байлакана (*истифа' Байлакан*) унижает достойного и приличествует невежде (л. 218б, 7—8). Однако и в том и в другом случае Мас'уд имел прямое отношение к податям и повинностям.

Горожане в свою очередь обвиняют Мас'уда в том, что он знает, «что едят они в своих домах»¹⁶. Мас'уд ревностно исполнял свои обязанности, хотя и отзывался пренебрежительно о «подсчете красильщиков и дубильщиков кож» — после почетной службы в диване Ширвана наш автор считал свою должность в Байлакане недостойной его познаний *адиба*¹⁷.

В разных местах Сборника упоминаются платежи населения Байлакана и некоторых сельских местностей. Мы находим среди них обычные налоги: харадж, 'ушр, джизью, а также трудовые повинности и поборы в пользу чиновников. Особенно много об этом говорит Мас'уд в речи, якобы произнесенной им перед горожанами.

Правда, о том, что особенно возмущало нашего автора, он говорит лишь намеками, некоторые его утверждения привлечены, возможно, для соблюдения рифмы в *садж'е*, но даже такая причудливая характеристика положения в Байлакане представляет, кажется нам, существенный интерес.

«Я расстанусь с городом, как беглец, но службу в нем оставляю как неприкосновенную святыню (*хиджрун махджурун*). Не радуют меня ни «половинки» (*нимак*) посредников (*самсар*)¹⁸, не соблазняет «повышение» сборщика 'ушра (*'ашшар*)¹⁹. Нет добра в удовольствиях, за которыми следует адский огонь. Не услаждает меня сахар кондитеров, не опьяняет вино торговцев вином — у всего этого плохой конец. Не обогащает меня при подсчете «счетный доход» (*дахл ал-ихтисаб*)²⁰, не спасет от адских мук цена напитков (*саман аш-шараб*)²¹.

Похлебка заключенного кипит в животе, яблоки прачечника (*гас-сал*) приводят к двойному омовению, кишмиш виноградников — дуновение самума, блюда знатного (*атбак аз-за 'им*) — кровля ада, из-за кувшинов гончаров бурлит вода в животе. Джизйа иудеев²² — пылающий огонь, бара'а армян²³ — уход от истинной веры, верховые животные тюрков несут гибель. Пряжа старухи тащит к отставке²⁴, принуждение (*иджбар*) наемного работника (*аджир*) влечет к горящему огню. Трудовая повинность (*сухра*) плотника — разорение дома, а дело (*фи'л*) строителей — разрушение здания. Большие животные больных — влечение к тлению, рынок ослов и мулов — знак бегства и исчезновения. Нет добра ни в головизне ее продавца, ни в котле торговца харисой,

¹⁶ Л. 236а, 11.

¹⁷ Л. 219а, 3—12.

¹⁸ «Неприкосновенная святыня» — *حجر معجور*; «половинки» — *نيماك*; «посредники» — *سمسار*. Последнее слово можно перевести также «продавцы-комиссионеры», «старьевщики». Что за «половинки» посредников — неясно.

¹⁹ 'Ушр — десятинный поземельный налог с мусульманского населения. Подробно об 'ушре см. F. Løkkegaard, *Islamia taxation in the classic period*, Copenhagen, 1950, pp. 71—90. 'Ушр собирали мелкой монетой, и Мас'уд с презрением говорит о даниках 'ашшаров (л. 219а, 9).

²⁰ То есть доход по должности мухтасиба — надзирателя за порядком и за соблюдением цен на рынке.

²¹ *ثمان الشراب*. Возможно речь идет о взятках в связи с незаконным повышением цены.

²² Джизйа — подушная подать с иноверцев — христиан и иудеев, хорошо известная из многих источников. Иудейское население в Байлакане было значительно и порою вмешивалось в борьбу на стороне претендентов на власть (см. л. 108б, где говорится о поддержке иудеями эмира Алпкуша ибн Алтунташа).

²³ Бара'а (в тексте без хамзы) — «отсутствие обложения», «привилегии». О бара'а см. R. Brunschwig, *Barā'a*, — EI, t. I, New ed., Leiden — London, 1960, pp. 1026—27.

²⁴ Слова об отставке, несомненно, для украшения слога: рифма *гасл* — «пряжа» и 'азл — «отставка, удаление».

ни в «ношах» (*ахмал*) садов, ни в «тяжестях» (*аукар*) дихканов²⁵, ни в курах сирот, ни в яйцах вдов, ни в лепешке постящегося нищего (*факир*), ни в светильнике бродячего слепца, ни в одежде (*киса*) озябшего сироты, ни в платье ('*аба*') промокшего чужестранца, ни в подарках ученых, ни в приношениях бедняков, ни в сладости женщин, ни в блюдах с ужином. Нет пользы в доходе солеварен (*дахл ал-мамлаха*). Насколько ослепила *назира*²⁶ пыль грабежа (*нахб*) и выгоды! Захват воды бедняков приносит плод — болезнь при жатве и увеличивает чуму пасущегося [скота]. Мыло султана загрязняет одежду, дирхамы дивана разгрызают карманы, обещания 'амилей внушают злые мысли, шапки (*калансува*) купцов причиняют головную боль, трескотня шутов увеличивает мокроту, а плата за сад (*ратиб ал-бустан*) вызывает беду и заботу. Как только занимается заря сбора (*хашар*)²⁷, стирается десятая часть 'ушра, когда восходит звезда страха, исчезает счет добавочного налога (*фар'*)²⁸.

Из этого сумбурного обличения не сразу можно понять, кого же, собственно, осуждает Мас'уд. Вначале он подчеркивает свою непричастность ко всякого рода незаконным доходам и взяткам, а затем, как мы видим, выражает свое отношение к порядкам в городе. Однако среди статей дохода, пользование которыми Мас'уд так решительно отвергает, оказываются «законные» платежи, незаконные поборы и, по видимому, всякого рода взятки и вымогательства. Чиновники-'амилы содержались в Байлакане за счет местного населения, и, говоря о кувшинах, котлах, головизне и т. п., Мас'уд имеет в виду взимание налогов с ремесленников изделиями ремесла и практику присвоения имущества горожан.

Мас'уд отчасти подтверждает это, говоря, что *назира* «ослепила пыль выгоды и грабежа». Из слов Мас'уда видно, что ни один горожанин, как бы ни был он беден, не мог ускользнуть от возложенных на него податей и повинностей. Вместе с тем население исполняло эти повинности нерадиво: именно так следует понимать слова о «разрушении дома», если плотники работают, исполняя принудительную трудовую повинность (*сухра*).

Привлекает внимание то, что для трудовых повинностей различных категорий горожан употреблены различные термины: наемный работник отработывает «обязательство» (*иджбар*, от *аджбара* — «обязывать», «принуждать»), для работы плотника употреблено слово *сухра* — «неоплачиваемая работа», наконец, строитель выполняет «дело» — *фи'л*.

Участие жителей в военных действиях также отражалось на уплате основных налогов: 'ушра и хараджа ал-фар'. О том, что население пы-

²⁵ *Дихканы* — мелкие землевладельцы, Мас'уд считает для себя особо унижительными дела с «проклятыми дихканами» (*Му'амалат ад-дахакин ал-мала'ин* — л. 218б, 12). «Ноши» и «тяжести» — *ахмал* и *аук'ар* — натуральные поборы.

²⁶ *Назир* (букв. «смотритель») — младший чиновник. По мнению К. Казна, *назир* был подчинен мушрифу (V. Minorsky et Cl. Cahen, *Le recueil transcaucasien*, p. 127).

²⁷ *Хашар* — «сбор», «ополчение» — выполнение строительных или оросительных работ населением, синоним термина *бигар* (см. Б. Н. Заходер, *Хорасан и образование государства сельджуков*, — ВИ, 1945, № 5—6, стр. 128). Но термин *хашар* можно переводить и как «ополчение» в прямом смысле слова, и, судя по следующему за этим указанием о «звезде страха», оно должно быть переведено именно так.

²⁸ Л. 209б, 6—210б, 4; *фар'* — «ветвь»; имеется в виду, несомненно, *харадж ал-фар'* — дополнительная надбавка к хараджу, основной поземельной подати. О *фар'е* см. А. А. Али-Заде, *Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв.*, Баку, 1956, стр. 211, и И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.*, М.—Л., 1960, стр. 370—371.

талось избегать уплаты, Мас'уд лишет в стихах, адресованных гянджинскому мустауфи Аамин ал-Мулку (о жителях Байлакана):

Они из скверных торговцев фуражом, а фуража у них нет,
Виноторговцы нашего городка не имеют вина,
А люди хараджа тоже бежали и спрятались²⁹.

Некоторые места в речи Мас'уда неясны, и можно лишь строить догадки о том, что имел в виду автор, говоря о «мыле султана», «дирхамах дивана» и т. д. Нужно сказать, что эта речь Мас'уда не произвела впечатления на горожан. Чувствуя непрочность своего положения, Мас'уд собирается в хадж, угрожает горожанам уходом из города, а население якобы удерживает его³⁰.

Мас'уд не изображал отношение горожан к нему более благожелательным, чем это было на самом деле: он не умалчивает ни о заговоре против него, ни об открытых выступлениях³¹.

Были случаи, когда Мас'уд ибн Намдар выступал заодно с жителями города: он был решительным противником подчинения Байлакана кому-либо из эмиров тюркских племенных отрядов, придерживался, как это известно из его рассказов, постоянной ориентации на Ширван. Однако служба Мас'уда в качестве мушрифа состояла в надзоре за сбором податей и повинностей и именно той их части, которая не оставалась в качестве платы чиновникам города, а поступала в диван. Его должность называлась «мушриф при 'амиле», и он выступал не как представитель власти, а как чиновник финансового ведомства.

2. Передача управления городом на откуп (даман). Деятельность 'амида и шихна

В этой связи при исследовании сборника Мас'уда ибн Намдара возникают два вопроса: как осуществлялся контроль над Байлаканом со стороны самих феодальных правителей и каковы были взаимоотношения Мас'уда с чиновниками более высоких рангов в Гяндже и Ширване.

В самом начале сборника имеется рассказ о попытке захвата Байлакана неким 'амилем³², который получил от везира на откуп (даман) право на управление Байлаканом. Хотя имена 'амиля и самого везира не названы, но поскольку события развивались в то время, когда султан Мухаммад ибн Маликшах «двигался в Исфакан», то наиболее вероятно, что 'амил получил управление Байлаканом при везире Му'айяд ал-Мулке (убит в 494/1101 г.)³³.

²⁹ Л. 36а, 9—10.

³⁰ Л. 210б, 10—211а, 2.

³¹ Об этом см. в статье «Мас'уд ибн Намдар и городское население Байлакана».

³² Лл. 66—86, 11, 248а, 250б.

³³ Му'айяд ал-Мулк, наиболее даровитый и энергичный из сыновей знаменитого Низам ал-Мулка, был везиром султана Баркийарука, а после отставки и ссоры с султаном перебрался в Гянджу к его брату Мухаммаду, побудил Мухаммада выступить против старшего брата ('Имад ад-Дин ал-Исфахани, изд. Хаутсма, стр. 88; Ibn el-Athiri, *Chronicon quod perfectissimum inscribitur*, ed. C. I. Tornberg, t. X, Uppsaliae et Lugduni Batavorum, 1864, p. 194 (далее — Ибн ал-Асир, изд. Торнберга). Биографические данные о Му'айяд ал-Мулке, стихи, восхваляющие его, и другие материалы см. باسم

۱۳۳۸ 'اميدان، وزارت در عهد سلطان بزرگ سلجوقي، تهران، ۱۲۴—۱۴۷.

Передача управления городами на откуп в конце XI — начале XII в. практиковалась довольно часто. Чиновник или эмир, получивший управление городом или областью по праву *даман*, имел иногда титул 'амида — гражданского правителя. Если же это был откупщик-немусульманин, то он именовался просто *дамин*³⁴. Мас'уд называет человека, получившего на откуп Байлакан, первоначально 'амилем, но в тексте он именуется чаще всего 'амидом. Получив на откуп управление, он приобрел и титул. Впрочем, известны случаи, когда на откуп давалась и сама должность 'амида. Тот же Му'айяд ал-Мулк передал на откуп должность 'амида (*'имада*) Багдада пленному везиру султана Баркийярука ал-А'аззу Абу-л-Махасину ад-Дихистани³⁵. Должность 'амида не всегда исполняли чиновники-'амили. Ее могли брать на откуп и эмиры, иногда владельцы соседних областей. На откуп передавались иногда и владения икта'. Садака ибн Мазйад, известный правитель Хиллы, полученный от султана Мухаммада в качестве икта' город Васит передал на откуп в 497/1103-04 г. Мухаззабу ад-Даула ибн Аби Джабиру, владельцу области ал-Батиха³⁶. К сожалению, в источниках этого времени указания на то, как действовали откупщики, встречаются сравнительно редко. Что касается 'амида Байлакана, то он пытался опереться на определенную группу населения и хотел привлечь на свою сторону какую-то, очевидно наиболее неустойчивую, часть городских низов³⁷. Но между 'амидом и горожанами возник конфликт, закончившийся вооруженным выступлением горожан, убийством 'амида и пятнадцати его помощников — катибов³⁸.

События в Байлакане кажутся показательными для бурного времени конца XI — начала XII в. Городское население Байлакана было настроено открыто враждебно по отношению к чиновникам диванов Гянджи и Ширвана (также претендовавшего на власть над городом). Но еще большее сопротивление встречали попытки установления в Байлакане военной власти шихна — эмира 'Абд ал-Джаббара с его тюркским отрядом. Водворение таких отрядов вошло в практику лишь при господстве Сельджуков³⁹. В обязанности шихна входила не столько оборона города, сколько усмирение горожан, ликвидация конфликтов и смут, возникших иногда на почве религиозных распрей, но, по-видимому, часто вследствие недовольства городского населения. В частности, назначение шихна в Байлакан Гянджинский диван связывал с убийством 'амида и бунтом жителей. Посол Гянджинского дивана шейх Мухаммад говорит об этом так: «Вот этот эмир, для вас явны и

³⁴ Ибн ал-Асир пишет о *дамине* Басры иудее Ибн 'Аллане ал-Йахуди, влияние которого достигло такой степени, что за гробом его жены «шли все, кто был в городе», кроме кадия. Ибн 'Аллан был казнен в 471/1078-79 г. по требованию эмиров Хумар-Тегина и Кухра'ина, вопреки воле Низам ал-Мулка, поощрявшего, по-видимому, деятельность откупщика (см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 76).

³⁵ Там же, стр. 199—200, 229—230.

³⁶ О замещавшем Мухаззаба ад-Даула его родственнике Муваффаке Ибн ал-Асир пишет, что он и его друзья запускали руки в имущество горожан. См. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 302.

³⁷ Л. 86, 8—10.

³⁸ Л. 249б, 7.

³⁹ См. Cl. Cahen, *Mouvements populaires et autonomisme urbain dans l'Asie musulmane du Moyen âge*. I, — «Arabica», t. V, 1958, p. 245. Кл. Казн считает, что военные гарнизоны, поставленные в городах, состояли из «регулярных частей». Однако в данном случае эмир 'Абд ал-Джаббар, как это видно из текста, со своими кочевниками-туркменами был лишь привлечен на службу Гянджинским диваном. Ширваншах угрожает 'Абд ал-Джаббару вмешательством султана (л. 171а, 3—4).

ум его и род, раньше, чем я, дошли до вас и слово его и поступки. К вам полностью относится все дело. Он послан к вам в качестве шихна, чтобы удалить от вас беду и отворотить от вас бунт (*фитна*), заботиться о ваших домах и защищать ваши жилища, пока не успокоится «глухая» и не удалится «черная» (т. е. беда. — В. Б.). Его спутники — ваши друзья, его гулямы — ваши товарищи. Я не вижу никакого злого умысла по отношению к вам ни у них, ни у тех, кто назначил их... Никто не достоин власти над вами больше, чем он»⁴⁰.

Тем не менее горожане Байлакана имели основания не доверять эмиру и Гянджинскому дивану, назначившему его. Ответ горожан был достаточно резким, по крайней мере в передаче Мас'уда.

«Тут закричали на него «заблуждающиеся»:

— У тебя нет над нами никакой власти, все это не что иное, как соблазн, и свидетельство этому — твой образ действий (*суннатука*)»⁴¹. Они прямо заявляли, что эмир — их враг⁴². Выясняется, что больше всего жители Байлакана опасаются присутствия самого эмира и его отряда: «Мы не видим от вас для себя никаких достоинств или преимуществ в слове или деле, а если ему (т. е. эмиру 'Абд ал-Джаббару. — В. Б.) принадлежит власть (*мулк*) над нами, пусть пришлет к нам на'иба наподобие тебя» (т. е. шейха Мухаммада. — В. Б.)⁴³.

Как видно, горожане заняли своеобразную позицию: их устраивало присутствие чиновника — представителя власти в городе, но они решительно противодействовали водворению военной силы. Дело дошло до вооруженной обороны Байлакана, и его жителям удалось отбить все атаки отряда 'Абд ал-Джаббара.

Мас'уд ибн Намдар рассказывает и о других попытках овладения Байлаканом. Обычно эмир, являясь с войсками в Байлакан, имел на руках распоряжение (*маншур*) о владении городом и его округом. Посол Гянджинского дивана шейх Мухаммад утверждал, что эмир прибывает в Байлакан в качестве шихна. Любопытно, однако, что в письме ширваншаха к эмиру 'Абд ал-Джаббару действия эмира рассматриваются как попытка захватить город в полное владение, отрицаются «права туркменнов» на город. Ширваншах Фарибурз ибн Саллар напоминает, что он «имеет больше прав на владение» (*фанахну ахакку би-л-мулк*)⁴⁴. Из этого следует, что эмир — шихна, назначенный в город, претендовал на большее, чем роль представителя дивана Гянджи.

В рассказах Мас'уда ибн Намдара встречаются еще эпизоды, когда на власть в Байлакане претендовало сразу два эмира: Хаджиб ас-Сайфи и Алпкуш, причем оба они имели на руках распоряжения — «противоречивые *маншуры*» (*маншурайн мухталифайн*)⁴⁵.

Тогда смуту в городе прекратил 'Айн ад-Дин Алтунташ, состоявший на службе у Ширвана. Захватив впоследствии Байлакан, Алтунташ оставил в качестве на'иба в Байлакане самого Мас'уда⁴⁶.

⁴⁰ Л. 257а, 4—11.

⁴¹ Л. 1606, 1—2.

⁴² Л. 1606, 8.

⁴³ Л. 1606, 10—11.

⁴⁴ فنحن احق بالملك. Лл. 1076—1106.

⁴⁵ منشورين مختلفين. Лл. 1076—1106.

⁴⁶ Л. 185а, 1—12.

Положение в Байлакане представляется нам типичным для тех городов, которые не были отданы эмирам в качестве владений полных (мулк) или условных (икта') и не имели местных владетелей. О действиях городского населения Гянджи и городов Ширвана наш источник сведений не дает.

В управлении городом определенную роль играли раис и факих. Разумеется, положение раиса Байлакана отличается от положений раисов Баб ал-Абваба, которые вели на протяжении двух столетий упорную борьбу за власть в городе⁴⁷. Раис в Байлакане один, по крайней мере Мас'уд в своем сочинении говорит об одном и том же лице. Раис был, по всей вероятности, связан с какой-то частью торгового и ремесленного населения Мас'уд ибн Намдар даже говорит о его союзе с Башарой — предводителем горожан в упомянутом выше их выступлении против 'амида⁴⁸.

В сборнике сохранились обширные словопрения Мас'уда с раисом. Раис, так же как и факих, занимал противоречивую позицию. В их речах мы находим осуждение «простонародья». Вместе с тем раис советует Мас'уду быть осторожным с жителями Байлакана и заявляет себя решительным сторонником самостоятельности города: «Признание прав его (т. е. ширваншаха. — В. Б.) пресекают наши руки, достаточно длинные, привлечению [нас] к нему на службу мешает сила нашего оружия и количество 'амилей Ширвана уменьшается от того, что нас много. Мы достигли этого нашим имуществом (*амвал*) и кровью и жертвовали собой и своими сыновьями. Но при этом сегодня у нас деньги (*накд*) в руках, а это [хорошее] обещание на завтра: ведь воробей в руках лучше буйвола в море...»⁴⁹. Раис привлекает и Мас'уда к соглашению с горожанами: «того, кто живет в согласии с нами, мы оставляем в покое». Мас'уд ибн Намдар не мог принять этого предложения. Во всей своей деятельности он руководствовался принципами, присущими чиновнику дивана: выше всего он ставил свою образованность, умение вести дела. Собственно, служба в Байлакане была для него лишь временной, и он считал, что «подобный ему не нуждается в Арране и не должен служить в Байлакане»⁵⁰. Мас'уд отзывается порою о раисе непочтительно, слово *ра'ис* рифмуется с *туйус* — «козлы»⁵¹, хотя раис неоднократно приходил на помощь Мас'уду, предупреждая о заговорах и подготовке выступлений против нашего автора. Зато раис и Мас'уд выступали совместно, когда на Байлакан наступали тюркские военные отряды.

Жители Байлакана пытались порою использовать возможности влияния чиновников для противодействия кочевым отрядам. По поручению жителей Байлакана Мас'уд ибн Намдар вел переписку с ширваншахом об оказании помощи Байлакану против эмира 'Абд ал-Джаббара⁵².

⁴⁷ См. об этом: В. Ф. Минорский, *История Ширвана и Дербенда*, стр. 163—164.

⁴⁸ Л. 1886, 9—10.

⁴⁹ Л. 2426, 1—5.

⁵⁰ Л. 2186, 3—4.

⁵¹ رافس — تويوس. Л. 245а, 12 и др.

⁵² Л. 1666, 12.

3. Обязанности Мас'уда ибн Намдара в диванах Ширвана и Гянджи. Сведения о чиновниках различных рангов

Нам известно главным образом из стихов и переписки Мас'уда ибн Намдара, что он первоначально находился на службе в Байлакане, затем перешел в Ширван, после чего снова вернулся в Байлакан, но вынужден был бежать оттуда в Гянджу. Обязанности нашего автора в Байлакане и, в частности, непосредственные дела с населением тяготили его, и он с сожалением вспоминает о почетных своих обязанностях в Ширване, где он, по его словам, «попирает ковры князей»⁵³.

В число дел, которыми занимался Мас'уд, входили следующие: «Подписывание (*тауки'*) приказов (*манашир*) о крепостях и поместьях, утверждение (*исбат*) назначений (*такалид*) в страны и области, служба мустауфй (*истифа'*) берега и реки, платежи Баку, Куры, областей ал-Йазидийа и ал-Джабал, страны лакзов, Сувак Мукалин и окрестностей Кабалы до реки и области Шабарана с морем (ал-Бахр, вероятно, приморская область. — В. Б.), дела казначейств (*му'амалат ал-хаза'ин*) и зданий, надзор (служба 'арида) за многочисленным войском ('*ард ал'аскар ал-джарар*), недоимки 'амилей (*баваки ал-'уммал*), довольствие войск (*фавадил ал-аджнад*), платежи Дейлема для пропитания (*ма'аш*) курдов»⁵⁴.

Здесь Мас'уд ибн Намдар не указывает, какую именно должность он занимал. Случайно в другом месте, обращаясь за назначением на должность в Байлакан к дивану везира Му'аййад ал-Мулка в Гяндже, Мас'уд напоминает, что он был в Ширване на'ибом дивана⁵⁵. Вероятно, это был диван везира, так как в своих стихах, написанных во время пребывания в Ширване, он постоянно обращается к везиру Ширвана Баха' ад-Дину ал-Какуйа⁵⁶. У него Мас'уд (в стихах!) просит предоставить коня для путешествия, ему же приносит извинения за отсутствие на службе⁵⁷.

Таким образом, Мас'уд как на'иб дивана был непосредственно подчинен везиру. В диван везира (*диван ал-визара*) адресовано и письмо — жалоба Мас'уда на некоего 'амиля⁵⁸. В тексте Мас'уда мы находим упоминание о диване поместий (*ад-дийа'*) и диване хараджа. Прямо оно не относится к Ширвану. В данном случае речь идет о том, что один из 'амилей не умеет написать правильно слова *диван ал-харажд* и *диван ад-дийа'*⁵⁹. Кроме того, у Мас'уда упомянут диван '*арида*⁶⁰. В перечне обязанностей Мас'уда мы не находим ничего, относящегося к сфере деятельности этих диванов, что касается Гянджи, то там упоминается лишь один диван. Положение наиба дивана было почетным и выгодным. Мас'уд пишет кадию Байлакана:

⁵³ Л. 219а, 7.

⁵⁴ Лл. 219а, 11—219б, 6.

⁵⁵ Л. 97а, 10.

⁵⁶ Из хорошо известного рода Какуйа, имевшего и свои владения в Северном Иране. В середине XI в. один из представителей этого рода владел Исфahanом (см. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 312).

⁵⁷ Лл. 13а, 6—13б, 5, лл. 113б, 6—114а, 6.

⁵⁸ Л. 198б, 11, сл.

⁵⁹ Л. 145б, 1.

⁶⁰ Лл. 219б, 4, 13б, 8, 126а, 8. Точное его название «Диван надзора за 'аридом» (*диван ли 'аради 'аридин*). 'Арид ведал снабжением и жалованьем войск.

У моих дверей стучатся люди Ширвана, днем и ночью
стремясь ко мне по доброй воле.
Сколько предлагают владений, денег,
домов, мамлюков, редкостей, лодок! ⁶¹

Таким образом, на'иб дивана предстает перед нами как ответственный чиновник, своего рода секретарь везира, действовавший по его поручению. Свои должностные обязанности Мас'уд называет «порученные мне дела» (*ал-а'мал ал-манута би*) ⁶². Таких наивов в диване было несколько, об этом говорит письмо Мас'уда «К одному из на'ибов дивана с изложением надзора за 'аридом» ⁶³. Не менее часто встречается у нашего автора и термин *асхаб ад-диван* — «начальники дивана» ⁶⁴, хотя Мас'уд не рассказывает о конкретных обязанностях этих чиновников. Он обращается к ним с жалобой «на унижения» ⁶⁵, с ними он вступает в поэтические турниры ⁶⁶, но мы нигде не встречаемся с какими-либо их действиями.

Из сочинения Мас'уда мы узнаем о власти и могуществе мустауфи Гянджи. Мустауфи Гянджи Амин ал-Мулк Сикат ал-Хадра тайн Абу Джа'фар Мухаммад ибн ал-Хасан был его покровителем. Известно, что мустауфи обладали большой властью и 'Имад ад-Дин ал-Исфакхани, пересказывая свой источник (Ануширвана ибн Халида ал-Кашани), отводит мустауфи третье место в государстве после везира и *тугра'и* ⁶⁷.

Действительно, мустауфи Амин ал-Мулк не только приютил нашего автора после его бегства из Байлакана, но, как пишет Мас'уд, способствовал его обогащению:

«От него мое пропитание, зажиточность и богатство и мое возрождение — люди свидетели этому» ⁶⁸.

Амин ал-Мулк оказался в состоянии сделать Мас'уда обладателем земельных владений:

Сколько даровал ты мне владений и имущества!
Просторы моей земли тесны для моих поместий!

пишет Мас'уд в стихах, посвященных своему покровителю ⁶⁹. Такое могущество мустауфи Амин ал-Мулка, его титул *Сикат ал-Хадра тайн* — «доверенное лицо двух величеств» ⁷⁰ — наводят на мысль, что этот

⁶¹ Лл. 10а, 12—10б, 1.

⁶² الأعمال المنوطة بي. Л. 219а, 6.

⁶³ Лл. 126а, 7—126б, 10.

⁶⁴ *Сахиб ад-диван* — глава дивана. Таковым он считался и у Сельджукидов: сын уже известного нам Му'айяд ал-Мулька был *сахибом* дивана ал-инша' ('Имад ад-Дин Исфакхани, изд. Хаутсма, стр 91). То же самое наблюдается у Сельджукидов Малой Азии (см. В. В. Гордлевский, *Государство Сельджукидов Малой Азии*, — Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 170). Но у Мас'уда ибн Намдара «асхаб ад-диван» выглядят как некая коллегия, хотя речь идет об одном диване.

⁶⁵ Л. 129а, 7.

⁶⁶ Л. 44а, 10. Речь идет о сахибах дивана в Гяндже.

⁶⁷ 'Имад ад-Дин ал-Исфакхани, изд. Хаутсма, стр. 100.

⁶⁸ Л. 23б, 11.

⁶⁹ Л. 44а, 2.

⁷⁰ Речь идет либо о ширваншахе Фарибурзе ибн Салларе и султани Мухаммаде ибн Маликшахе, либо же о ширваншахе и его сыне эмире ал-'Адуде, управлявшем Гянджой, о чем известно, правда, лишь из данных Мас'уда ибн Намдара (лл. 125а, 8, 150б, 5—9).

чиновник на некоторое время (после 494/1101 и ранее 505/1111) являлся в Гяндже главным представителем распорядительной власти ввиду отсутствия там везира.

Мас'уд сталкивался не только с чиновниками финансового ведомства, но и с военачальниками-исфахсаларами. Такой титул носил Абу-л-'Ала' ал-Джанзави Насир ад-Даула Касим ал-Мулк. К этому исфахсалару Мас'уд обращается с просьбой о защите, как «чужой в этом городе»⁷¹.

Хотя обычно титул исфахсалара считается идентичным званию военачальника (*сахиб ал-джайш*)⁷², но из стихов Мас'уда мы видим, что эти должности занимали различные лица. К сахибу ал-джайш Тадж ал-Куфа Мусафиру ибн Хусрау автор также обращается с просьбой о покровительстве⁷³. Звание дехода (*диххуза*), обычно обозначающее раиса селения в Иране, у Мас'уда ибн Намдара относится к высокопоставленному чиновнику, везиру ал-Муваффаку Абу-л-Фараджу ибн Исма'илу⁷⁴. Встречается у Мас'уда и малоупотребительный термин *мутасарриф*, в котором, по мнению Б. Н. Заходера⁷⁵, следует видеть чиновника, распорядящегося расходами. Мас'уд на службе у ал-'Ауда, сына Ширваншаха, ставшего при неизвестных обстоятельствах правителем Гянджи, был «катибом его присутствия» (*хадрагихи*), мутасаррифом его благоденствия, его мутакаллибом («занимающим различные посты»)⁷⁶.

Другие термины, обозначающие придворных и чиновников: 'амили, кадии, везиры, хаджибы, также встречаются у Мас'уда ибн Намдара, но в их употреблении нет каких-либо особенностей сравнительно с другими источниками. Должностные обязанности этих лиц хорошо известны.

4. Имущественное положение чиновников. Доходы Мас'уда ибн Намдара. Термин *идрар*⁷⁷

Мас'уд ибн Намдар, как он сам об этом пишет, провел свою юность в усиленных занятиях. Он сам называет себя адйбом — «образованным человеком».

В числе «старых стихов» Мас'уд приводит стихотворное обращение к некоему «высочайшему везиру», в котором он просит: «Я желаю долж-

⁷¹ Лл. 106, 4—5. Мы ничего не знаем о том, имеется ли какая-либо связь между исфахсаларом Абу-л-'Ала' и его тезкой — знаменитым ширванским поэтом, современником (вероятно, младшим) Мас'уда.

⁷² См. В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Соч., т. I, М., 1963, стр. 288.

⁷³ Лл. 11а, 5—116, 1.

⁷⁴ Лл. 62а, 4—626, 5.

⁷⁵ «*Сиасет-наме*». Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. Перевод, введение в изучение памятника и примечания Б. Н. Заходера, М.—Л., 1949, стр. 334, прим. 313.

⁷⁶ Л. 126а, 1—3. *Мутасарриф* — в данном случае означает, всего вероятнее, «распорядитель», «правитель», действующий от имени эмира ал-'Ауда. Таково же и современное значение слова.

⁷⁷ *Идрар* обычно переводится словом «пенсия» (см. И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв.*, стр. 270), однако в буквальном смысле слова *идрар* — «доход» (от *адарра* — «заставить обильно течь [молоко]», «принести доход»). Этот доход назначался постоянно и наследственно из податных сумм

ности на'иба в Байлакане: ведь там пропитание для «людей службы» (*ахл ал-'амал*)⁷⁸.

Возможно, это и было начало службы нашего автора. В Байлакане жила его семья, и часть его доходов также была связана с этим городом. Хотя Мас'уд менял место службы, но впоследствии не только просил о должностях, но и ссылался на свое «право службы»^{78а}. «Сложи права моих достоинств с давностью моей службы»⁷⁹, — пишет он одному из своих покровителей. «Давай пропитание бедняку, у которого есть право службы», — призывает он кади ал-кудат Шамс ад-Дина⁸⁰. Представление о «праве службы» было распространено при господстве Сельджукидов. Наиболее авторитетно заявление Низам ал-Мулка султану Маликшаху о том, что он служил «самому Маликшаху, его отцу и деду, а за ним — право службы»⁸¹.

Служба была для нашего автора главным источником дохода. Он много пишет о своих лишениях в связи с оставлением службы в Байлакане: «Уничтожилось время то, что добыл я из различных одеяний. Одел меня холод плащом, подобным паутине»⁸².

Мас'уд признается, что служить заставляет его необходимость прокормить себя и семью: «Я расстаюсь со своим сердцем, когда покидаю ваш дом. Куда бы ни уходил я от друзей, мое сердце носит траур. Я изгнан из рая в геенну, такова воля Милостивого, а гонит меня мой хлеб насущный»⁸³.

Доходы Мас'уда были связаны непосредственно с его должностью. Так, когда Мас'уд покинул Байлакан, он утратил права на доходы (на какие именно, нам неизвестно).

Он пишет: «Уничтожили кадии права мои там, а закон обязывал обеспечить их гарантию. Таковы ли права адйба, это ли награда для «чуда времени»?

Где же следы веры пророка, где справедливость султанов
в это [наше] время?

Они принимали мои просьбы, а возвращали проклятья,

рассматривали мои документы, а я [был] несчастен:

Если буду жив, то осуществляю свои права, а если умру?

Ведь люди, поистине, глупы»⁸⁴.

Неизвестно, о тех ли или о других своих имущественных правах писал Мас'уд, обращаясь за их утверждением в диван халифа в Багдаде. В его переписке сохранилось два письма, адресованных этому дивану⁸⁵, причем перечни владений и прав различны в обоих письмах.

⁷⁸ Л. 72а, 4. Слова *ахл ал-'амал* обычно обозначают «людей ремесла». И здесь возможен такой перевод. Однако во всех случаях, как показало обследование текста, Мас'уд употребляет слово *'амал* в смысле «служба чиновника».

^{78а} *حق خدمة*

⁷⁹ Л. 11а, 1.

⁸⁰ Л. 59а, 5.

⁸¹ См. Ибн ал-Асир, изд. Торнберга, т. X, стр. 84.

⁸² Л. 25а, 3—4; см. также жалобы на бедственное положение в стихах на лл. 37а, 10—12, 37б, 5—9 и др.

⁸³ Лл. 38б, 10—39а, 1.

⁸⁴ Л. 53а, 5—8. Мас'уд часто называл себя «чудом времени» (Бади' аз-Заман).

⁸⁵ Лл. 91б, 1—92б, 11, 99б, 12—94а, 10. Эти письма (текст и перевод) опубликованы в приложении к упомянутой статье В. Минорского и К.л. Каэна.

В первом из них Мас'уд просит утвердить за ним его владения и права и перечисляет их: «Пашня из пустошей (*бава'ур*) Байлакана, на возделывание которой ушло время, она обработана по разрешению султана и по грамоте о праве на владение ею^{85а}, полученной от дивана, места добычи глины, расходуемой всяким добрым и грешным, употребляемой любым приходящим и уходящим, и [наконец] огород в городском рву»⁸⁶. Речь идет здесь только о владениях в Байлакане, и Мас'уд ибн Намдар просит, чтобы «от милости имама ал-Мустазхира была дана грамота (*мисал*)⁸⁷ с подписью, которую Аллах сделал проникающей на Восток и на Запад... для того, чтобы она предупредила всех последующих о нашем деле»⁸⁸.

Второе письмо дивану халифата, датированное 505/1110-11 г., содержит просьбу об оказании Мас'уду чести и предоставлении идрара. Мас'уд пишет, что он был отличен милостью султана и возвышен некими пенсиями (*идрар*), владениями икта', несколькими мулками и поместьями (*дийа*). Из них: поле в Каранане, с поместьем в Джунабене и половиной Асадана, мельницы 'Амуана и суммы, причитающиеся (*мабалигун мудирратун*) с Гянджи и Байлакана, пашня из полезных земель (*масалих*) Байлакана, жалование (*тасвиғ*) виноградников и садов у его ворот в сумме двадцати красных динаров, наследственная опека (*зимайа*) жернова в Дивакенде и утверждение владений старых и новых⁸⁹. «Об этом, — пишет далее Мас'уд, — говорит грамота, свидетельствует подпись, и желаемым от пророческой щедрости является лишь утверждение всего этого, чтобы была увековечена слава и осталось воспоминание. На этом ограничивается наша просьба к присутствию (*хадра*), да возвысится его жизнь». «И отмечен,— добавляет Мас'уд, — некто из его (т. е. Мас'уда. — В. Б.) близких идраром в Байлакане, составляющем сорок динаров наследства Джуха»⁹⁰.

Второе письмо, как видно, более позднее, показывает нам, как обогатился Мас'уд за некоторое время. Ходатайство нашего автора об утверждении и *мисале* имело лишь целью закрепление за ним владений и сумм ссылкой на авторитет главы мусульманской общины. Мысль о том, чтобы получить такое утверждение, могла возникнуть у нашего автора в связи с затруднениями, уже известными нам: потерей Мас'удом его прав в Байлакане.

Но из текста выясняется, что не султан предоставлял Мас'уду ибн Намдару владения и доходы. С просьбами о назначении идрара Мас'уд обращался к различным высокопоставленным чиновникам в своих письмах, порою в стихотворной форме.

В письме к дивану Гянджи (*ал-маджлис ас-садри ал Му'иййади биджанза*) Мас'уд выражает надежду, что «облака идрара изольют на него влагу, подобно дождевой туче»⁹¹. К мустауфи Амин ал-Мулку

^{85а} بالتتمليك

⁸⁶ Л. 92а, 7—11.

⁸⁷ Мас'уд ибн Намдар употребляет слово *мисал* для обозначения грамот и рескриптов дивана.

⁸⁸ Л. 92б, 1—1.

⁸⁹ Л. 93б, 4—94а, 2.

⁹⁰ Л. 94а, 3—6. Джуха — род в Байлакане. Враги Мас'уда утверждали (л. 237б, 10), что род Джуха составлял «опору, на которой вертелась ось его жернова». Речь идет, видимо, о том, что подать с людей рода составляла доход Мас'уда. Мас'уд передал его какому-то родственнику и просит об утверждении этой передачи.

⁹¹ Л. 100а, 30.

он обращается со стихами «Об упущении в получении идрара в Байлакане»⁹². Здесь говорится о беспорядках во взимании податей в городе: как видно, поэтому наш автор не мог получить причитающейся ему суммы. В письме к деххода ал-Муваффаку Абу-л-Фараджу 'Абд ал-Кариму ибн Исма'илу Мас'уд сообщает, что «везир по щедрости его указал насчет обильного идрара»⁹³.

Идрар мог быть назначен как вознаграждение за службу, но служба не была обязательным условием его получения. Мас'уд просит у везира Ширвана Баха' ад-Дина Мухаммада ибн Хусайна: «Чти Аллаха, соблюдай порядочность и величие, назначь мне идрар и верни меня к семье»⁹⁴.

Получение доходов чиновниками затруднялось тем, что население не было в состоянии платить положенные суммы налогов. Нам знакомы жалобы Мас'уда на жителей Байлакана, неисправно плативших налоги. В сельской местности положение было еще хуже. В одном из писем Мас'уд рассказывает о том, как назир, несмотря на предьявленную Мас'удом грамоту о причитающихся суммах, отказался платить, заявив, что «местность опустошена, сам он на краю нищеты, а мушриф (т. е. Мас'уд ибн Намдар. — В. Б.) не получит ничего»⁹⁵. Наш автор вынужден обращаться к дивану везира в Ширване с просьбой о возмещении, «соответствующем его знатности»⁹⁶.

Доходы идрар, владения икта', мулк и другие Мас'уда ибн Намдара позволяли ему содержать дом и семью, иметь личных слуг, но, как видно из его стихов и писем, они были связаны не только со службой, но и с милостью везиров и других чиновников. Поэтому Мас'уд был неутомим в своих просьбах о различных пожалованиях и особенно о предоставлении идраров. Листы посланий Мас'уда к везирам, к мустафи наполнены лестью и самовосхвалением, встречаются и почтительные упреки покровителям за недостаточное внимание к автору.

Разумеется, на основании материалов сборника нельзя дать полной картины управления в период распада сельджукской монархии. В итоге изучения деятельности Мас'уда ибн Намдара как чиновника выясняется, что она проходила в постоянных конфликтах с городским населением Байлакана, с сельскими жителями-дихканами, наконец, с представителями местной власти. Когда Низам ал-Мулк писал, что мушрифы должны получать свое вознаграждение из казны, «чтобы они не чувствовали необходимости в вероломстве и взяточничестве»⁹⁷, он имел в виду лишь идеальное положение. Исследуя материалы стихов и писем мушрифа Мас'уда ибн Намдара, мы еще раз убеждаемся, что в аппарате местного управления времен Сельджукидов господствовали лихоимство и жадность к законным и незаконным средствам обогащения.

⁹² Л. 356, 1—366, 4.

⁹³ Л. 626, 2. Получение идрара обозначается здесь и на л. 316 словом *тарвидж* от *равваджа* — «пустить в оборот, в обращение».

⁹⁴ Л. 146, 6.

⁹⁵ Л. 200а, 4—8.

⁹⁶ Л. 2016, 1.

⁹⁷ «Сиасет-наме», пер. Б. Н. Заходера, стр. 64.